

«ОБЩАЯ ТЕОРИЯ» ДЖ. М. КЕЙНСА: УРОКИ ТРИ ЧЕТВЕРТИ ВЕКА СПУСТЯ

И.В. РОЗМАЙНСКИЙ,

кандидат экономических наук, доцент,
Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики, г. Санкт-Петербург,
e-mail: rozvit@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению некоторых важных элементов теоретического подхода Дж. М. Кейнса, которые отвергаются большинством представителей современной магистральной экономической теории («мейнстрима»). К ним относятся трактовка неопределенности как феномена, отличного от риска, и выведение некоторых ключевых макроэкономических функций (потребления, инвестиций, спроса на деньги) не из оптимизирующего поведения агентов. Кроме того, особое внимание уделяется критическому отношению Дж. М. Кейнса к формализации экономического анализа.

Ключевые слова: Кейнс; Общая теория; неопределенность; потребление; инвестиции; спрос на деньги; формализация.

The paper considers some important elements of Keynes's theoretical approach which are rejected by the most adherents of the modern mainstream economics. Such elements are the idea that (immeasurable) uncertainty is different from (measurable) risk, and also derivation of some key macroeconomic functions (of consumption, investment, money demand) not from optimizing human behavior. Furthermore, the paper explores also Keynes's criticism to formalization of economic analysis.

Keywords: Keynes; The General Theory; uncertainty; consumption; investment; demand for money; formalization.

Коды классификатора JEL: A11, B22, B31, B41, E12.

Введение

76 лет назад впервые увидела свет книга Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» [4], а ровно год спустя — его статья в *Quarterly Journal of Economics* под более коротким названием «Общая теория занятости» [5], в которой уточнялись некоторые наиболее важные идеи этой книги. Хотя с трудами Дж. М. Кейнса регулярно знакомятся все новые и новые поколения студентов и исследователей, есть впечатление, что некоторые очень значимые идеи этого экономиста остаются неучтенными. Собственно, задача настоящей статьи — продемонстрировать, какие важные уроки можно было бы извлечь из детального изучения основных работ великого экономиста три четверти века спустя. Речь идет о тех трудах, в которых была сформулирована его «общая теория», положившая начало макроэкономике как обособленной науке, науке, которая в ходе своей дальнейшей эволюции резко отклонилась от «траектории», «предначертанной» для нее автором, что имело и имеет пагубные последствия. На наш взгляд, основные причины этого связаны с тем, что *многие важные идеи, высказанные Дж. М. Кейнсом, оказались как будто «погребенными» в выкладках, которые потом послужили основой для упрощенных традиционно-кейнсианских моделей, до сих пор играющих важнейшую роль в учебниках вводного уровня по экономической теории.* Наша задача — показать,

что «Общая теория» Дж. М. Кейнса — нечто несравнимо большее, чем «простая» апология активного государственного вмешательства в экономику или «идеологическое обоснование» проинфляционной политики Центральных банков. Но для того чтобы некоторые уроки, о которых дальше пойдет речь, можно было эффективным образом извлечь, необходимо отказаться от ряда устойчивых стереотипов современной магистральной экономической теории [mainstream economics], т.е. «мейнстрима». Прежде всего, речь идет о предпосылках, касающихся природы мира, который исследуется экономической наукой, в первую очередь, макроэкономикой, и природы человека, который в этом мире делает выбор. Если мы нереалистично описываем мир, в котором люди принимают решения, а также поведение самих этих людей, то нам будет очень трудно сформулировать теории, которые могли бы продуктивно помогать в решении насущных практических задач хозяйственной жизни...

Уроки, которые следует извлечь из рассуждений о природе мира, в котором люди принимают экономические решения

Знаменитый методолог и историк экономической мысли М. Блауг как-то сказал следующее: «Современная экономическая наука больна. Она все больше становится интеллектуальной игрушкой, в которую играют ради нее самой, а не ради практических следствий, необходимых для понимания экономического мира. Экономисты превратили предмет в разновидность социальной математики, в которой аналитическая строгость — это все, а практическая обоснованность — ничего» [16, Р. 3]. Такое «превращение в разновидность социальной математики» связано в определенной степени со специфической трактовкой природы мира и природы человека. Мир рассматривается как лишенный неопределенности, а человек — как субъект, обладающий едва ли не безграничными счетными и познавательными способностями. Иными словами, «современный мейнстрим» экономической науки — это все те концепции, в которых экономическое поведение людей трактуется с точки зрения оптимизации, максимизации или минимизации, каких-либо целевых функций¹. Представители всех этих ветвей и школ экономической мысли трактуют поведение людей как оптимизирующее и созданные ими экономической модели базируются на оптимизации, в том плане, что основные экономические функции, начиная от функций полезности или прибыли индивидуальных агентов и заканчивая функциями потребления или спроса на деньги на макроуровне, выводятся из оптимизирующего выбора отдельных субъектов. Оптимизация как основной способ описания экономического поведения и равновесие как основной способ описания экономической динамики — вот ведущие принципы «современного мейнстрима» экономической теории².

Для того чтобы глубоко понять «Общую теорию» Дж. М. Кейнса, необходимо признать, что модели, предполагающие рациональных оптимизаторов и мир с отсутствующей неопределенностью, обладают весьма ограниченной практической значимостью и не могут претендовать на единственно научное описание экономической и социальной реальности. Английский экономист писал: «Я обвиняю классическую экономическую теорию в том, что она... является одним из... симпатичных, вежливых приемов, которые направлены на изучение сегодняшних реалий, абстрагируясь от того факта, что мы очень немного знаем о будущем» [5, С. 285]. Дело в том, что важнейшую роль в трактовке Дж. М. Кейнсом природы мира является его отношение к феномену неопределенности будущего. Будущее не только неопределенно, но и непознаваемо, поскольку значительная часть информации, касающейся этого будущего, еще не создана [7; 12; 19]. Отсюда следует, что, в ходе принятия решений, в которых важную роль играют предположения по поводу будущего, люди онтологически не могут получить необходимую информацию. При этом они не в состоянии вычислить ни оценки вероятностей каждого из возможных исходов событий в будущем, ни количество таких исходов. В отличие от риска, «неопределенность невозможно с легкостью выразить как число или вектор» [23, Р. 484]. По этому поводу Дж. М. Кейнс писал следующее: «... под «неопределенным» знанием я не имею в виду просто разграничение между тем, что известно наверняка, и тем, что лишь вероятно.

¹ К «мейнстриму» относятся все ветви неоклассической теории (в том числе и самая модная из них — школа новых класси-ков), а также новое кейнсианство и неoinституционализм.

² См.: [13, С. 13–14]. Принцип равновесия в очень значительной степени следует из принципа оптимизации, поскольку «поведение индивида также может трактоваться либо как состояние равновесия (оптимизация), либо как движение к равновесию (к оптимизации)». Принцип же оптимизации, в свою очередь, невозможен без принципа методологического индивидуализма, состоящего в том, что «целое выводится из его частей» [13, С. 13]. См. также [1, С. 89–90].

В этом смысле игра в рулетку или выигрыш в лотерею не является примером неопределенности; ожидаемая продолжительность жизни также является лишь в незначительной степени неопределенной. ... Я употребляю этот термин в том смысле, в каком неопределенными являются перспектива войны в Европе, или цена на медь и ставка процента через двадцать лет, или устаревание нового изобретения, или положение владельцев частного богатства в социальной системе 1970 г. Не существует научной основы для вычисления какой-либо вероятности этих событий. Мы этого просто не знаем³. Из известных экономистов до Дж. М. Кейнса об отличиях неопределенности от риска писал только Фрэнк Найт, поэтому не случайно среди современных экономистов — в основном, принадлежащих посткейнсианской традиции, но не только, — принято говорить о «найтианско-кейнсианской неопределенности» [15, Р. 206; 22; 25].

Здесь уместно использовать термины «эргодичный» и «неэргодичный», о которых много писал в своих работах один из лидеров посткейнсианства Пол Дэвидсон [18; 19; см. также: 11, С. 90]. Некая среда является *эргодичной*, если прошлое, настоящее и будущее можно описать при помощи одной и той же функции вероятностных распределений. Это и есть мир неоклассической теории, современного «магистрального направления». Дж. М. Кейнс же исследовал *неэргодичный мир*, в котором прошлое необратимо, а будущее неопределенно и непознаваемо, поскольку в непрерывно меняющемся мире каждый раз, когда мы пытаемся прогнозировать будущее, выясняется, что значительная часть нужной нам для прогнозов информации еще не создана⁴.

Вышеприведенные рассуждения вряд ли применимы для экономики охоты и собирательства, и даже для хозяйств эпохи западноевропейского феодализма (по крайней мере, раннего), но они абсолютно адекватны для индустриальных и постиндустриальных обществ XIX–XXI вв., использующих активы длительного пользования в производстве и обращении⁵. Подавляющее большинство инвестиционных и финансовых решений (а также значительная часть производственных решений) принимается в условиях неопределенности, подвергаясь влиянию со стороны изменчивого мира и, в то же время, влияя на него. Как отмечал Дж. М. Кейнс, «из всех видов человеческой деятельности, испытывающих на себе воздействие... долгосрочных последствий, один из наиболее важных носит экономический характер, а именно — накопление богатства. Вся цель накопления богатства состоит в достижении результатов или потенциальных результатов, отстоящих на сравнительно отдаленный, иногда — на *неопределенный* срок. Таким образом, тот факт, что наши знания о будущем являются колеблющимися, туманными и неопределенными, превращает накопление богатства в особенно неопределенный предмет для изучения при помощи методов классической экономической теории» [5, С. 283–284].

А какова природа человека, принимающего решения в таком — неопределенном, неэргодичном — мире? Однозначный ответ на этот вопрос дать, естественно, нельзя, но очевидно, что человек не может вести себя в таком мире полностью рационально из-за нехватки нужной информации. В условиях неопределенности каждому отдельному человеку приходится опираться на привычки, эмоции, интуицию, а также поведение других людей.

Уроки, которые следует извлечь из рассуждений об основах некоторых макроэкономических функций

Дело в том, что *основные макроэкономические функции в теории Дж. М. Кейнса не выведены на базе оптимизирующего выбора индивидов*. В этом состоит еще одно принципиальное отличие его подхода, и от неоклассической теории первой трети XX в., и от современной макроэкономики магистрального направления [*modern mainstream macroeconomics*]. Дж. М. Кейнса интересовало

³ [5, С. 284]. Впервые идея о разграничении между неопределенностью и риском была Фрэнком Найтом еще в 1921 г. в его знаменитой книге «Риск, неопределенность и прибыль». Из этих рассуждений можно прийти к выводу о невозможности оптимизации в условиях неопределенности. См. [9].

⁴ Современные посткейнсианцы называют такой тип неопределенности фундаментальной неопределенностью и отличают ее от неясности [ambiguity], под которой понимается неопределенность, связанная только с ограниченностью счетных и познавательных способностей человека. См. [11, С. 89]. Как метко подметил в этой связи Эдвард Нелл: «... за пределами неопределенности существует неизвестное» [23, Р. 484].

⁵ Вопрос о том, насколько применимы подобные рассуждения к экономике плановых, индустриальных хозяйств типа экономики СССР, в некоторой степени остается открытым. Мы полагаем, что институты планового социализма не уничтожают неопределенность, а лишь меняют форму ее проявления. Более того, дальнейшая институциональная эволюция, направленная на снижение неопределенности, в конечном счете, подрывает эту систему. См. [10, С. 54–56].

фактическое поведение людей в реальном, меняющемся мире, который не оставляет возможностей для оптимизирующего поведения во многих сферах жизни⁶. Стереотипы, конвенции и ожидания, а вовсе не оптимизационные расчеты, определяют человеческие решения, которые, поэтому, *не поддаются точному, количественному анализу*. Английский экономист писал: «Гипотеза о будущем, которое можно рассчитать, ведет к ошибочной интерпретации принципов поведения, к которому нас вынуждает потребность в действии, и к недооценке факторов сомнения, случайности, надежды и страха» [5, С. 291]. Именно таков взгляд Дж. М. Кейнса, и именно здесь, в отказе от принципов всеобщей оптимизации и методологического индивидуализма (предполагающего, что закономерности поведения всей системы можно вывести из действий отдельного индивида) следует искать «водораздел» между подходами Дж. М. Кейнса и представителями «магистрального направления». Эти особенности методологии Дж. М. Кейнса проявляются во всех основных предложенных им макроэкономических функциях.

Согласно предложенной Дж. М. Кейнсом функции потребления, оно зависит от совокупного дохода, таким образом, что первая производная является положительной величиной, а вторая производная — отрицательной. Указанная зависимость — математическое обозначение сформулированного Дж. М. Кейнсом *основного психологического закона*. В соответствии с идеями Дж. М. Кейнса, в существовании этого закона «мы можем быть вполне уверены не только из априорных соображений, исходя из нашего знания человеческой природы, но и на основании детального изучения прошлого опыта...» [4, С. 96] (курсив наш — И. Р.). Что же побудило Дж. М. Кейнса сформулировать этот закон, согласно которому «люди склонны, как правило, увеличивать свое потребление с ростом дохода, но не в той же мере, в какой растет доход» [4, С. 96]? По крайней мере, отнюдь не вера во всеобщность оптимизационных расчетов! «Дело в том, что наибольшее влияние на использование дохода оказывает стремление к поддержанию привычного уровня жизни, и человек склонен сберегать именно обнаруживающуюся разность между его фактическими доходами и расходами по поддержанию обычного «жизненного стандарта»» [4, С. 96–97] (курсив наш — И. Р.). Именно здесь следует искать «корни» теории динамики потребления на длительных временных интервалах, предложенной Джеймсом Дьюзенберри. Согласно этой теории, с ростом доходов у индивидов появляются новые привычки потребления, что, с течением времени, влияет на фактический уровень потребления. Как отмечает Дж. Ходжсон, «эта модель совокупного поведения потребителя успешно прошла несколько эконометрических проверок. Тем не менее модель Дьюзенберри не получила признания, не потому, что не прошла статистической проверки, а потому, что она не основывалась на мейнстримовской идее рационального, максимизирующего полезность потребителя»⁷ (курсив мой — И. Р.). Та же участь ждала теорию потребления самого Дж. М. Кейнса, которая (вместе с теорией Дж. Дьюзенберри) во второй половине XX в. была вытеснена теорией потребления М. Фридмана на базе гипотезы перманентного дохода, нереалистично предполагающей, что люди в своих решениях учитывают доход, который они заработают за всю свою будущую жизнь.

Кстати, не случайно некоторые современные экономисты, не вписывающиеся в «мейнстрим», предлагают описывать поведение домохозяйств не через функции полезности с непонятно кем и как заданными предпочтениями, а через «стратегии» достижения неких «социальных целей». Такие стратегии «... определяют социальные роли и позиции агентов, и тем самым их предпочтения» [23, Р. 497].

На оптимизации не основана также и функция спроса на деньги. «Почему кто-либо, не содержащийся в богадельне для лунатиков, захочет использовать деньги как средство хранения богатства? Потому что, частично благодаря нашим рассудочным соображениям, а частично, инстинктивным побуждениям, наше желание держать деньги в качестве средства хранения богатства служит

⁶ Оптимизирующее поведение невозможно в ситуациях масштабности информации, ее сложности, а также (и, зачастую, в первую очередь) из-за неопределенности будущего. См. [8, С. 89].

⁷ [14, С. 24]. По этой же причине не получила распространения предложенная совсем недавно П. Гареньяни и А. Трещини [20; 26] новейшая посткейнсианская модель эндогенного роста, объясняющая этот рост наличием укоренившихся норм поведения, требующих от индивидов соответствия постоянно растущим «потребительским стандартам». В результате стремления соответствовать таким стандартам предельная склонность к потреблению оказывается значительно выше в периоды подъема, чем в периоды спада. Иными словами, в ходе повышательной фазы делового цикла люди стремятся «перескочить» на более высокие потребительские стандарты, а в ходе понижательной фазы они не хотят снижать эти стандарты. Как следствие, совокупное потребление, и, естественно, совокупный спрос, непрерывно растут, что делает возможным эндогенный рост. Один из авторов этой модели ссылается на убедительные эмпирические подтверждения [26, Р. 538], но вряд ли она будет иметь успех, прежде всего, из-за отсутствия «опоры» на индивидуальную оптимизацию.

показателем степени нашего недоверия нашим собственным расчетам и конвенциональному взгляду на будущее. ... Обладание деньгами снижает уровень нашего беспокойства, и премия, которую мы требуем за то, чтобы расстаться с деньгами, является мерилем степени нашего беспокойства» [5, С. 286]. При этом под «конвенциями» Дж. М. Кейнс понимал «ориентацию на среднее мнение». Он писал: «Психология общества, состоящего из индивидов, каждый из которых пытается копировать других, ведет к возникновению того, что мы можем назвать строгим термином «конвенциональное суждение»» [5, С. 285].

Данные выкладки можно считать развитием теории мотива предосторожности спроса на деньги, которая впоследствии стала играть одну из ведущих ролей в посткейнсианской макроэкономической теории [17; 11]. Вполне можно утверждать, что сведение объема спроса на деньги, обусловленного мотивом предосторожности, к величине, зависимой *только* от совокупного дохода, является чрезмерным упрощением (хотя его и сделал сам Дж. М. Кейнс, когда пытался представить свою «общую теорию» в упрощенном варианте)⁸. Частичным подтверждением может служить следующая фраза из его «главной книги»: «Большое увеличение количества денег в состоянии внести *столь большую неопределенность в перспективы*, что усилится предпочтение ликвидности, связанное с мотивом предосторожности» [4, С. 163] (курсив наш — И.Р.). Иными словами, увеличение спроса на деньги может быть отнюдь не связанным с какими-либо оптимизационными расчетами.

Остальные мотивы спроса на деньги также не базируются на принципах оптимизации. В частности, связанное со спекулятивным мотивом спроса на деньги «абсолютное предпочтение ликвидности» (то, что позднее было названо «ликвидной ловушкой») вряд ли совместимо с деятельностью «рациональных оптимизаторов» [4, С. 195].

Не связана с оптимизационными расчетами и предложенная Дж. М. Кейнсом функция инвестиций — центральный пункт его учения. Как уже отмечалось, главным аргументом в указанной функции является предельная эффективность капитала, представляющая собой «... отношение между *ожидаемым* доходом, приносимым дополнительной единицей данного вида капитального имущества, и ценой производства этой единицы...» [4, С. 130] (здесь и далее курсив наш — И.Р.). Важно то, что инвестиционные решения *зависят не от текущей, а от ожидаемой* доходности инвестиций. «Она [предельная эффективность капитала] зависит от нормы дохода, которую рассчитывают получить, вкладывая деньги *во вновь* произведенное имущество, а не от ретроспективной оценки того, что принесло инвестирование в отношении к его первоначальной стоимости по данным на конец срока службы имущества» [4, С. 131].

Но ожидания определяются не оптимизационными вычислениями, а, прежде всего, тем, что можно назвать «жизнерадостью» [*animal spirits*], «спонтанно возникающей решимостью действовать», ведь «... заметная часть наших действий... зависит скорее от самопроизвольного оптимизма, нежели от скрупулезных расчетов, основанных на моральных, гедонистических или экономических мотивах» [4, С. 153]. «Лишь в немного большей степени, чем экспедиция на Южный полюс, предпринимательство основывается на точных расчетах ожидаемого дохода. Поэтому, когда жизнерадость затухает, оптимизм поколеблен и нам не остается ничего другого, как полагаться на один только математический расчет, предпринимательство хиреет и испускает дух — даже если опасения потерпеть убытки столь же неосновательны, какими прежде были надежды на прибыль» [4, С. 154]. Итак, инвестиции отдельного агента определяются в первую очередь его «жизнерадостью», а также — через действие фактора «конвенционального суждения» — решениями, принимаемыми другими агентами.

Здесь также должно быть ясно, почему Дж. М. Кейнс настаивал на том, что некоторые важные экономические переменные не поддаются измерению, и почему с его подходом вряд ли совместима, скажем, гипотеза рациональных ожиданий — наиболее популярная сегодня в мейнстриме концепция формирования ожиданий. Из логики рассуждений Дж. М. Кейнса следует, что формирование ожиданий представляет собой очень сложный и труднопознаваемый процесс, который не может быть описан одной изящной математической формулой или даже системой таких формул.

«Надо помнить, что человеческие решения, поскольку они воздействуют на будущее — в личных, политических или экономических делах, не могут полагаться на строго обоснованные математические предположения, поскольку отсутствует база для их обоснования. Именно наша врожденная жажда деятельности есть та сила, которая правит миром; рациональная половина

⁸ И вообще интерпретация теории Кейнса «традиционными кейнсианцами» (Дж. Р. Хиксом, П. Самуэльсоном, Ф. Модильяни и т. д.) в значительной степени затушевала его самые революционные идеи, см.: [2].

нашего «я» занимается, как умеет, отбором альтернатив, рассчитывает там, где можно, однако она нередко оказывается во власти наших капризов, настроений и желаний попытаться счастья» [4, С. 155].

Уроки, которые следует извлечь из рассуждений о роли экономической науки

Экономическая наука не может быть в полной мере точной наукой. Этот тезис — ключевой для уяснения различий в понимании задач науки между Дж. М. Кейнсом и современным «мейн-стримом». Дж. М. Кейнса недаром называли учеником А. Маршалла, который, хотя и считается основателем неоклассической теории, сам отнюдь не был склонен к формализации и математизации экономического анализа. «Общность взглядов Маршалла и Кейнса на математику объясняется тем, что их представления об экономической науке были особыми и радикально отличались от воззрений большинства современных экономистов. Сегодня «теоретизировать» означает дедуктивно выводить свойства модели из заранее заданного набора примитивных постулатов о вкусах и технологии. «Теория» и «модель» считаются синонимами. Маршалл и Кейнс, напротив, склонялись к философскому реализму» [6, С. 43].

Итак, по Дж. М. Кейнсу, экономическая наука не должна претендовать на точность. У нее другие задачи. Экономическую науку [21] следует понимать как особый «способ мышления» [*«way of thinking»*]. «Цель нашего анализа отнюдь не в том, чтобы создать такую механику или такую шаблонную схему операций, которая автоматически выдавала бы безошибочный ответ, а в том, чтобы обеспечить себя методом для систематического и планомерного изучения ряда проблем» [4, С. 276]. В «математической элегантности» построений своих оппонентов Дж. М. Кейнс видел претензии на конструирование упомянутых «шаблонных схем операций». Он считал, такие схемы не учитывают не только изменчивость факторов, но и их глубокую взаимозависимость. Дж. М. Кейнс настаивал на том, что непонимание взаимозависимости между факторами в сложном, меняющемся мире может быть чревато негативными последствиями с точки зрения реалистичности. Вот почему при обобщении своей «общей теории» Дж. М. Кейнс, в частности, отметил: «...среди указанных факторов нет ни одного, который не мог бы иногда меняться существенно и внезапно. Отсюда крайняя сложность действительного хода вещей» [4, С. 232].

Английский экономист также отмечал следующее. «Крупный дефект формализации экономического анализа с помощью псевдоматематической символики... в том именно и состоит, что все эти построения явным образом исходят из допущения о строгой независимости введенных в анализ факторов и они теряют всю свою доказательность и значение с отпадением этой гипотезы. ... Слишком большая доля современной «математической экономики» представляет собой, по существу, простую мешанину, столь же неточную, как и те первоначальные допущения, на которых она основывается, причем авторы получают возможность забывать о сложных отношениях и взаимосвязях действительного мира, замыкаясь в лабиринте претенциозных и бесполезных символов» [4, С. 276–277; см. также 24]. Не содержится ли в этих язвительных строках приговор значительной части экономического «мейнстрима» XX и XXI вв., который нередко отличается едва ли слепой верой в свою «социальную математику»?⁹ Ведь некоторые современные экономисты заблудились «в лабиринте претенциозных и бесполезных символов» гораздо глубже, чем те ученые, с которыми полемизировал Дж. М. Кейнс... Не в этих ли строчках стоит черпать вдохновение тем исследователям, которые периодически говорят или пишут о «кризисе современной экономической науки»?

Экономика, функционирующая в условиях неопределенности, характеризуется таким сложным набором взаимосвязей и взаимозависимостей между релевантными переменными, которые в большинстве случаев не поддаются точному количественному анализу. А в таких условиях оказывается любая система, использующая в производстве активы длительного пользования и отличающаяся высокой степенью специализации и большой глубиной разделения труда¹⁰. Безусловно, к таким системам можно отнести современные экономики всех развитых и большинства развивающихся стран. По меньшей мере поэтому эти выводы очень актуальны.

«Наша критика общепринятой классической экономической теории заключалась не столько в отыскании логических изъянов ее анализа, сколько в установлении того факта, что ее молча-

⁹ О «религиозно-схоластических» корнях современного «мейнстрима» экономической науки см.: [3, С. 8–23]

¹⁰ Мы склонны называть такую систему сложной экономической системой [10, С. 49–51; 11, С. 90–92] или «сложным обществом». К ней относится и система планового социализма, см. сноску 5.

ливые предпосылки редко или даже никогда не бывают убедительны и что она не может разрешить экономических проблем реальной жизни» [4, С. 346] (курсив наш — И.Р.).

Поэтому для того, чтобы создаваемые теоретические концепции имели практическую значимость, необходимо в их основу закладывать реалистичные предпосылки относительно природы мира и природы человека, не следуя, как уже было сказано во введении, устоявшимся стереотипам современного «мейнстрима». Это — один из основных уроков, которые можно было бы извлечь из чтения «Общей теории» Дж. М. Кейнса три четверти века спустя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа. 1998.
2. Вайнтрауб С. Хиксианское кейнсианство: величие и упадок / Современная экономическая мысль. Под ред. С. Вайнтрауба. М.: Прогресс. 1981. С. 91–117.
3. Ефимов В.М. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // Вопросы регулирования экономики. 2011. Том 2. № 3. С. 5–79.
4. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ. 2002.
5. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости / Истоки. Вып. 3. М. ГУ ВШЭ. 1998. С. 280–292.
6. Лейонхуфвуд А. Кейнс как последователь Маршалла // Вопросы экономики. 2006. № 5. С. 32–47.
7. Розмаинский И.В. Концепция делового цикла в посткейнсианстве. Автореф. дисс. СПб. 1998.
8. Розмаинский И.В. На пути к общей теории нерациональности поведения хозяйствующих субъектов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Том 1. № 1. С. 86–99.
9. Розмаинский И.В. «Посткейнсианская модель человека» и хозяйственное поведение россиян в 1990–е годы // Экономический вестник Ростовского Государственного Университета. 2005. Том 3. № 1. С. 62–73.
10. Розмаинский И.В. Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход // Вопросы экономики, 2009. № 6. С. 48–59.
11. Розмаинский И.В. Введение в посткейнсианство // Идеи и идеалы. 2010. Т. 1. № 1 (3). С. 88–105.
12. Скоробогатов А.С. Экономические институты и деловой цикл: посткейнсианский подход. Автореф. дисс. СПб. 2002.
13. Скоробогатов А.С. Институциональная экономика. Курс лекций. СПб. СПб ФГУ ВШЭ. 2006.
14. Ходжсон Дж. Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Том 1. № 4. С. 11–30.
15. Baddeley M. Bubbles or Whirlpools? An Empirical Analysis of the Effects of Financial Speculation and Financial Uncertainty on Investment / Empirical Post Keynesian Economics: Looking at the Real World. ed. by R. P. F. Holt and S. Pressman. Armonk, M. E. Sharpe. 2007. P. 202–236.
16. Blaug M. Ugly Currents in Modern Economics // Options Politiques. 1997. Vol. 18. № 17. P. 3–8.
17. Davidson P. Money and the Real World. London: Macmillan. 1972.
18. Davidson P. Rational Expectations: A Fallacious Foundation for Studying Crucial Decision Making Processes // Journal of Post Keynesian Economics. 1982–1983. Vol. 5. № 2. P. 182–197.
19. Davidson P. Reality and Economic Theory // Journal of Post Keynesian Economics. 1996. Vol. 18. № 4. P. 479–508.
20. Garegnani P., Trezzini A. Cycles and Growth: A Source of Demand-Driven Endogenous Growth // Review of Political Economy. Vol. 22. P. 119–125.
21. Garrone G., Marchionatti R. Keynes on Econometric Method. A Reassessment of His Debate with Tinbergen and Other Econometricians, 1938–1943. Dipartimenta di Economia. S. Cognetti de Martiis». CESMEP. 2004. Working Paper № 01/2004.
22. Juselius K. Challenges for Macroeconomic Theory and Econometrics. URL: <http://www.eief.it/files/2011/11/juselius-intro.pdf>
23. Nell E.J. Uncertainty and the Value of Capital: Marginal Efficiency and the «Conventional Projection» // Review of Political Economy. 2011. Vol. 23. № 4. P. 479–502.
24. Patinkin D. Keynes and Econometrics: On the Interaction between the Macroeconomic Revolutions of the Interwar Period // Econometrica. 1976. Vol. 44. № 6. P. 1091–1123.
25. Posner R. Keynes and Coase. URL: <http://iep.gmu.edu/iepf/files/papers/KEYNES%20AND%20COASE.pdf>.
26. Trezzini A. The Irreversibility of Consumption as a Source of Endogenous Demand-Driven Economic Growth // Review of Political Economy. 2011. Vol. 23. № 4. P. 537–556.